

АРТЕМИЙ СУРИН

280 ДНЕЙ
ВОКРУГ СВЕТА:
ИСТОРИЯ ОДНОЙ МЕЧТЫ

ТОМ 1

КИЇВ
BOOKSHEF
2020

[Купить книгу на сайте kniga.biz.ua >>>](http://kniga.biz.ua)

Артеми́й Сури́н – общественный деятель, путешественник и мечтатель. Автор идеи и основатель travel-сообщества One Life, которое объединило путешественников из многих стран мира и стало полноценным международным движением.

После тяжелого жизненного кризиса и смерти отца Артеми́й решил совершить кругосветное путешествие. Ведь это была его детская мечта, которой он не мог изменить. Узнать, как живут, о чем мечтают люди на всех континентах нашей планеты, стало его целью, которой он достиг.

По результатам кругосветки Артеми́й Сури́н принят в международный клуб выдающихся путешественников The Explorers Club, награжден орденом «Великие Украинцы современности», экспертный совет Книги рекордов Украины методом голосования избрал его бренд-амбассадором Украины в мире. Совершенное им кругосветное путешествие также установило четыре национальных и два мировых рекорда.

[Купить книгу на сайте kniga.biz.ua >>>](#)

СОДЕРЖАНИЕ

ИНТРО	9
ЧАСТЬ 1. ЕВРОПА & АФРИКА	39
ЧАСТЬ 2. ШТАТЫ & МЕКСИКА	217
ЧАСТЬ 3. ЦЕНТРАЛЬНАЯ & ЮЖНАЯ АМЕРИКА	331

[Купить книгу на сайте kniga.biz.ua >>>](http://kniga.biz.ua)

ИНТРО

Едкая капля пота ползет по лоснящемуся лицу судьи, оставляя масляный след на землисто-серой коже. Все мое внимание сосредоточено на ее медленном пути. Я не могу оторвать глаз от этой мерзкой капли, в которую словно вжалась моя ломающаяся жизнь. Проходит минута, другая, вечность. Тишина пронзительно звенит. И вот судья, раздраженно смахивая пот, переводит взгляд на меня. Он смотрит с такой неприкрытой ненавистью, что я сразу понимаю: справедливого приговора не будет.

— *Рассматривается дело гражданина Украины Сурина Артемия по обвинению в шпионаже против Исламской Республики Иран.*

Его тучная фигура на непропорционально хлипком стуле, кажется, заполняет собой все пространство. Небольшая комната наполнена гремучей и душной смесью пота, пыли и страха. Единственный свидетель — водитель, которого я за день до этого нанял для путешествия по Ирану, — трясется перед судьей, словно перед свирепым древним божеством. Я вижу его мимику, жесты, полные страха и унижения, пытаюсь хотя бы приблизительно понять, о чем

идет речь. Водитель отвечает на вопросы коротко и тихо, будто выпрашивает, вымаливает у судьи шанс продолжить свое существование. Но судят меня, а не его. Каждое мгновение я ловлю, задыхаясь, как рыба, выброшенная на берег. И, как та же рыба, ничего не могу сказать в свою защиту.

Продолжается фарс на фарси*. Каждым словом судья необратимо вбивает ржавые гвозди в мою жизнь. Он говорит на языке, который я раньше представлял прекрасным, величественным наследием Вавилона. Но из его рта фарси тянется, как слюнявый плевок, влажно повисший на подбородке.

Наконец мне дают слово. На ватных ногах я встаю и заглядываю в глаза судье в надежде найти там хотя бы тень человечности. Его черные зрачки масляно поблескивают.

Холодный пот стекает по моей спине, ком подступает к горлу. Беру себя в руки. Рассказываю, показываю, доказываю: я невиновен, я — турист, совершаю кругосветное путешествие, снимаю природу, не сделал ничего противозаконного. Проводил съемку в разрешенном месте, не снимал никаких запрещенных объектов.

— Есть разрешение на съемку. Посмотрите кадры с дрона. Посмотрите все, что есть, я же ничего незаконного не сделал!

Но судья даже не смотрит на бумаги в деле, лишь лениво перелистывает ленту в своем смартфоне. Иногда поднимает взгляд на меня, чтобы вновь

* Новоперсидский язык, официальный язык Ирана Афганистана, Таджикистана.

и вновь я мог видеть в его глазах безразличие и жестокость.

Неужели он даже не выслушает меня? Неужели никто здесь меня не выслушает?

Грубый выкрик: «Стоп!»

Толстые губы судьи искривляются. На его лице смесь презрения и торжества. Уже понятно, что он скажет, но все еще не хочется в это верить.

Удар молотка. словно тяжелая могильная плита падает на мою реальность приговором:

— *Гражданин Украины Сурин Артемий обвиняется в шпионаже против Исламской Республики Иран! Суд постановляет арестовать!*

Вокруг — ватный белый шум. Чувствую свой пульс в висках. Во рту — привкус свинца. Внутренности выжигает коктейль из негодования, несправедливости и кошмара происходящего. Обвинение в шпионаже в Иране — это либо пожизненное, либо расстрел. Не в силах себя контролировать, вскакиваю и кричу: «Что вы делаете?! Я же невиновен, как вы можете?!»

Не обращая внимания на крики, судья через водителя приказывает мне подписать решение.

— Я не буду ничего подписывать, здесь все на фарси! Мне не понятно ни слова! Мне нужен переводчик, нужен адвокат! — кричу в этой комнате всем и одновременно никому.

Но никому нет дела до чужой сломленной судьбы, чужой жизни, загубленной здесь, в пыльных бараках иранского суда. Это было бы похоже на дурной сон, если бы не было явью.

От моих слов судья приходит в ярость. Его глаза наливаются кровью и злобой. словно ужаленное животное, он что-то визгливо орет, машет руками,

стул под грузным телом надсадно скрипит. Водитель дрожащим голосом переводит, что не будет никаких адвокатов, если хочешь адвокатов — будешь ждать их в тюрьме. Он покорно подбегает к судье и ставит на решении кривую подпись.

— Что ты подписываешь?! Зачем ты за меня подписываешь решение суда?! — кричу ему. В этот момент из меня словно вырывают куски тела, куски плоти и сути.

— Мистер, это я не за тебя, это я за себя подписывал, — бормочет свое очередное вранье водитель и прячет глаза.

Судья отрывисто командует конвоирам, стоявшим за дверью. Двое молодых иранцев с бездушными лицами грубо подхватывают меня под руки и выводят наружу.

Шестью часами ранее я ворочался в душном хостеле и шерстил информацию на англоязычных форумах о задержаниях в Иране. Ночь была тихой, словно затишье перед бурей. Угроза уже нависла, но на тот момент ситуация еще не воспринималась как катастрофа. Просто нелепое недоразумение, которое должно вот-вот разрешиться. Ведь иначе и быть не может!

Очень хотелось просто взять и сбежать из Ирана, не являться наутро в суд, рвануть в Азербайджан и оставить эту мутную историю позади. И я наверняка решил бы на такой шаг. Но город Язд, в хостеле которого я находился, расположен почти в центре страны, и до ближайшей границы ехать не менее суток. Столько времени у меня не было. Если сбежать сейчас, уже через несколько часов

водитель обнаружит пропажу, доложит в полицию, и меня объявят в розыск. Кроме того, нет никакой гарантии, что моего имени уже нет в списке запрета на выезд. И поэтому, даже имея на руках документы, я, по сути, оказался в ловушке.

В надеждах и сомнениях я провел почти все часы, отведенные на отдых и сон. Пытался выудить хоть какую-нибудь информацию, за что можно было бы зацепиться. На форумах писали страшные вещи о пожизненном заключении и даже смертной казни за шпионаж. Как же не вовремя я попал в переплет! Выяснилось, что буквально накануне иранцы сбили американский дрон, и градус политического напряжения достиг пика. На улицах Ардакана на всем моем пути к хостелу в Язде были развешаны антиамериканские плакаты с лозунгами оскорблений и ненависти. Повсюду витала тяжелая энергия близящегося военного конфликта. Смутная тревога обволакивала меня в тесной комнатке, сдавливала горло осознанием неизбежного. Нет, это не тот Восток, который я так жаждал увидеть. Здесь для пришлого человека, не знающего ни языка, ни законов, возможен любой исход.

Как заевшая пластинка, в голове крутился весь день и особенно момент задержания. Вот я приехал в Херанак*. Вот увидел песчаные развалины деревни-призрака. Обошел окрестности, осмотрел, неторопливо поблуждал по пыльным лабиринтам, успел почувствовать себя настоящим исследователем, археологом. Индианой Джонсом, мать

* Селение в Иране с древними руинами, без каких-либо административных, военных или полицейских сооружений.

его. Здесь даже сам воздух словно застыл в далеком прошлом, когда вавилоняне ступали по этой потресканной земле, а теперь в городе неподалеку обосновались их прямые потомки. Горы, видневшиеся вдаль, только усиливали впечатление древней и мистической картины.

Я внимательно проверил, нет ли где запрещающих знаков для полета дроном или предупреждений о близости закрытых объектов. Нанятый водитель, который на тот момент вел себя вполне адекватно, уверил меня, что все в порядке, это туристическое место, здесь можно снимать. До населенного пункта тоже было довольно далеко, да я и не планировал захватывать его дроном. Интерес представляли только развалины и природные пейзажи. Здесь было сразу несколько удачных ракурсов — руины, река, горы, мечеть.

Наметил план полета. Включил дрон. В меню не высветилось никаких красных зон, все зеленое, все чисто — гофу. Взлетел, сделал несколько широких пролетов, в основном над руинами, захватив немного пейзажей. «Красивые кадры, разрази меня гром», — подумал я, глядя на композицию кадра в смартфоне.

И в этот момент раздался вой сирен.

Я сразу понял, что это за мной, — никого, кроме меня, в целой округе не было. Словно кадр из дешевого боевика, вздымая пыль, ко мне подъехал полицейский пикап, из которого «десантировались» офицер и двое солдат с автоматами. Лица у всех троих были такие хмурые, будто я укукошил их армейского пса.

— Это вы снимаете? — отрывисто рявкнул офицер.

— Да, я. Вот, пожалуйста, разрешение на съемку, — я говорил без опасений, потому что знал, что ничего не нарушил. Но мой водитель, который перевел ответ на фарси, при виде вооруженных военных начал заметно паниковать. В тот момент я впервые будто кожей почувствовал — этот человек мне не помощник.

— Почему вы снимаете полицейский участок? — продолжил офицер.

— Я не снимаю полицейский участок. Я вообще не знаю, где он находится. Я снимаю руины и пейзажи. Вот — посмотрите кадры, — я пытался максимально спокойно и уверенно отвечать.

Началась возня. Офицер куда-то звонил, что-то уточнял у моего водителя, снова звонил, смотрел кадры с дрона. Я тем временем укрылся от палящего солнца в машине водителя. После часа напряженных диалогов решил связаться с посольством Украины. Было воскресенье, но в Иране этот день не выходной, и в посольстве подняли трубку. Лично консул, выслушав ситуацию, дал уверенный ответ: *«Если есть разрешение — все законно. Все должно быть хорошо»*. Но потом добавил: *«Разве только они захотят поиграть в политику. Держите нас в курсе»*.

И буквально сразу после окончания разговора я увидел лицо своего водителя с выпученными и полными ужаса глазами.

— Это все, это конец! — обреченно заскулил он. — Офицер приказывает ехать в участок.

Тогда я даже ухмыльнулся, потому что еще не понимал причин его паники. Всю дорогу водитель дергался, ерзал, заламывал руки и причитал.

— О Аллах, что же теперь с нами будет, — он твердил эту мантру как заведенный.

— Послушай, — я старался говорить спокойно и воззвать к его здравому смыслу, — у меня есть разрешение на съемку дроном в Иране, я его официально оформил. Тем более что ничего запрещенного в кадрах нет — ты же видел. Запрещающих знаков не было. И ты же сам говорил мне, что здесь можно снимать.

— Я? Когда? Нет! Я такого не говорил, excuse me, не-е-ет!

Осознание того, что он потопит меня при первой же возможности, пришло молниеносно. Оставшись совершенно один, без союзников, даже без надежного переводчика, рассчитывать я мог только на себя.

В полицейском участке у меня сразу отобрали паспорт, но еще разрешали звонить в посольство. Консул долго бодался на фарси с копами и таки помог вернуть паспорт. Но все это оказалось лишь прелюдией, всего-навсего крутами вокруг жертвы, которые делает акула, перед тем как провести решающую атаку.

За почти семь часов, проведенных в полицейском участке, меня не слушали, не видели, не понимали и не хотели понимать. Я был пустым местом для цепных псов чиновничьей машины. Они постоянно кому-то звонили, лаяли на фарси, сновали туда-сюда, перекладывали какие-то бумаги. Чувство, когда от тебя ничего не зависит, вызывало скорее раздражение, чем страх.

— Вы же посмотрели дрон, там ничего нет, — в очередной раз обратился я к офицеру через водителя.

— Вы могли там все стереть, — отрезал тот. И добавил: — Мы передаем ваше дело в суд.

На этих словах водитель затрясся так, что стал похож на эпилептика в самый разгар приступа.

— Мы должны явиться завтра в 7:30 утра в суд города Ардакан, — перевел он гробовым голосом, будто уже стоял одной ногой в могиле.

Его страх начал передаваться мне, и все больших усилий стоило держать себя в руках. До последнего не хотелось верить, что все настолько серьезно. Возвращенный паспорт немного грел душу, и мыслями я уже практически выезжал дальше по маршруту кругосветки.

Боже, скорее бы все это закончилось!

На следующее утро в 7:15 по местному времени, уставший и вымотанный после бессонной ночи, встревоженный и полный сомнений, я приехал к зданию суда. Водитель, бледный, словно полотно, припарковался прямо напротив входа в обычное правительственное учреждение, каких много у нас на родине. Небольшая аллея с высаженными деревьями, вокруг — железный кованый забор. Похоже, мы были первые посетители в тот день.

Пока не приехал судья, у нас было время перекусить. Минуты тянулись, как сутки. Я много и судорожно думал, предчувствие беды ворочалось, перекатывалось в районе грудной клетки. Но если произнести опасения вслух, казалось, страх станет материальным. Достаточно было того, что водитель паниковал за нас двоих, я же предпочитал молчать.

На телефоне высветилось очередное сообщение. Снова какой-то рекламный спам. Раньше это

меня раздражало, но в тот момент смартфон был словно тонкой ниточкой связи с моим миром. Тем привычным миром, которому не плевать на мою жизнь и который сейчас так далеко, словно в другой реальности.

«Хорошо, что не пожалел пятьдесят долларов на иранскую симку и зарядил ночью телефон на 100%», — подумалось мне, и в этот момент нас окликнули охранники у суда.

На проходной был обыск. Охранники увидели телефон в поясной сумке и велели оставить его за пределами здания. Интуиция и логика работали в тот момент на полный максимум, на износ. Я открыл багажник авто и положил телефон в наружный карман рюкзака так, чтобы как можно быстрее достать его в случае нужды. Сжатый, как пружина, снова прошел досмотр и вошел в здание суда.

Бездушность — то самое слово, которое максимально точно передает увиденное в тех застенках. Чиновники и мелкие клерки проходили мимо в белых рубашках, оттеняющих их серые лица. Но в отличие от сотрудников полицейского участка, они меня замечали. Меня видели и открыто, насмешливо глазели. В их колких быстрых взглядах было презрение и ликующее злорадство. Я перестал быть пустым местом и стал «тем дурачком белым, в шляпе который». Они что-то говорили, спрашивали у моего водителя, у конвоира, посмеивались. Скалились, как шакалы, почуявшие кровь. Будто знали, что свободные люди выходят отсюда только в цепях.

Откуда-то из внутренней двери завели людей в серо-синих полосатых робах. Людей... Даже это

слово казалось неуместным в том здании. Это были не люди, а тени — сломленные, поникшие, смирившиеся, с темными кругами под глазами и отрешенным взглядом. Они шли унылым строем, в наручниках, ноги закованы в кандалы. Длина цепи очень короткая, настолько, что даже подниматься по ступенькам им было тяжело: металлические звенья натягивались до предела и позвякивали, им вторили злобные смешки конвоиров, которые перемежались с ударами дубинок каждый раз, когда кто-то из них оступался или спотыкался.

Глядя на это, я не верил своим глазам. Непонимание. Шок. Бессилие. Трудно было представить, что на пороге 2020 года существует такое ужасное место! Если есть ад, то он должен быть похож на Ардаканский суд, где человеческая душа, достоинство, вся сущность безжалостно перемалываются и вбиваются в грязь деревянными дубинками конвоиров.

Я попросил воды, но приставленный конвоир ответил ухмылкой. «Живым трупам вода ни к чему», — читалось в его презрительном взгляде. На вопросы тоже никто не отвечал. Так прошло не менее часа. И вот, наконец, конвоир приказал пройти в комнату заседаний, где вальяжно восседал тучный боров-судья.

Меня выволакивают под руки из комнаты заседаний. Слышу, как судья за стеной продолжает рывкать на фарси и раздавать указания о моей дальнейшей судьбе. «Это конец», — всплывают в голове слова водителя, сказанные вчера перед полицейским

участком. «Шпионаж в Иране — пожизненно», «Там неоткуда ждать милосердия», «Верная смерть» — мозг хаотично подсовывает отрывки сообщений с форумов. Но как же так? Я ведь не один! Дома семья, любимая женщина, друзья, люди, которые от меня зависят, собаки, в конце концов! Что станет с моими собаками?..

Возникает желание на грани боли: хочу поговорить с кем-то, выговориться, спросить — почему, за что? И тут же меня режет острое осознание того, что просто не с кем. Я совсем один. Конвоиры, не говорящие по-английски, сажают меня на железную лавку на первом этаже и смотрят как на отработанный материал. Судебные клерки, жгущие желчью и злорадством. Водитель, совершенно безучастный, сидит рядом и лишь молча кивает на обращения. Всем плевать, что со мной будет. Я загнан в угол, в ловушке. Но я отказываюсь быть беспомощным. Я ОБЯЗАН выжить.

И все же человеческий организм удивителен. В моменты отчаяния он способен мобилизоваться и выдать такую реакцию на полную мощность, которой сам от себя не ожидаешь. Будто внутри работает коллаيدر и генерирует огромное количество вариантов выхода. Включается тот самый инстинкт самосохранения, который дает лисе силы отгрызть себе лапу, но таки сбежать из капкана.

Нужно выйти на связь с посольством, нужно действовать! Единственный вариант — забрать телефон из машины. Но как, если шакалы-конвоиры отказываются даже принести стакан воды? Решение приходит почти мгновенно, словно автоматически. Начинаю делать дыхательную

практику — ребефинг*. Эффективную, но опасную практику, которая в случае неправильных действий вызывает гипервентиляцию мозга и вводит в тяжелое, болезненное состояние на грани потери сознания.

Глубокий вдох, еще один и еще.

Затем серия быстрых, поверхностных вдохов.

Снова глубокие.

Нужно выглядеть больным — и выглядеть правдоподобно, чтобы конвоиры позволили выйти наружу и добраться до сумок с лекарствами. Цель — любыми способами добраться до телефона.

Дышу так минуты три, прежде чем чувствую сильное головокружение и тошноту. К горлу подступает ком. Бросает то в жар, то в холод, все тело дрожит. В здании жарко, но по лбу струится ледяной пот. Меня скручивает спазмами, я уже не имитирую.

— *I have pancreatic, stress! I need medicine!*** — задыхаясь, хриплю конвоирам, цепляясь побелевшими пальцами за железную лавку. — *I need medicine!*

* Дыхательная методика психологической коррекции, самоисследования и духовной трансформации, которую разработали Леонард Орт и Сандра Рэй в конце 1970-х гг. в США. Основной элемент ребефинг — глубокое, частое дыхание без пауз между вдохом и выдохом (связное дыхание). При этом вдыхать необходимо активно, с мышечным усилием, а выдыхать, наоборот, пассивно, спокойно.

** У меня желудочный спазм, стресс! Мне нужно лекарство! (англ.)